

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА УРАЛЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА В ИСТОРИОГРАФИИ

Интерес исследователей к истории отечественного города обусловлен рядом причин. Многостороннее изучение его истории одновременно позволяет анализировать эволюцию государственности и общественного строя в целом. При этом город предстает перед исследователем как быстро развивающееся историческое явление. Л.В. Данилова отмечает, что в результате возникновения города появляется особый тип соседской общины — городская коммуна. Она отмечает, что, «сохраняя на первых порах единство с общиной сельской и мало от нее отличаясь в качестве составной части общего территориально-административного деления, городская община со временем обретает особый социальный статус, определяемый ролью города как центра властвования и управления, средоточия ремесла и торговли, места широкого общения» [1]. «И если сельская община, обнимавшая основную массу населения, длительно сохраняла традиции, сложившиеся на стадии первобытности, то городская коммуна оказалась гораздо мобильнее, что было связано с концентрацией в ее недрах товарно-денежных отношений и становлением нового типа собственности, а в дальнейшем и завязей нового типа социальной интеграции», — пишет исследовательница, сравнивая сельскую и городскую общины [2].

Города играли важную экономическую, социальную, культурную и политическую роль в дореволюционной России, и эта роль возрастала в процессе урбанизации. В.А. Александрову и Н.Н. Покровскому, авторам монографии «Власть и общество. Сибирь в XVII в.», удалось доказать, что посадская община на востоке страны играла заметную роль в общественно-политической жизни края. В работе подчеркивается, что «хотя государству она нужна была в первую очередь как бесплатный административно-фискальный аппарат, сама эта незаменимость общины приводила в условиях сословно-представительной монархии к тому, что воеводы и столичные власти должны были считаться с голосами выборных демократических органов горожан» [3].

Город рассматривается историками как активный и динамичный фактор развития в процессе перехода от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному, как фактор формирования и развития своеобразной российской цивилизации.

Урбановедение как самостоятельная отрасль исторических исследований, помимо чисто научного, имеет также практическое значение. Последнее обусловлено наличием целого ряда проблем в жизни современного города, уходящих корнями в прошлое. В частности, в условиях современной России весьма актуален исторический опыт реформ местного (в том числе городского) самоуправления [4].

При обращении к любой научно-исследовательской теме обнаруживается потребность разобраться в понятийно-категориальном аппарате. Следует отметить, что по поводу понятия «город» в научной литературе ведутся продолжительные дискуссии. Уже сами попытки обратиться к этимологии этого понятия

порождают массу противоречий, как подчеркивают западные ученые [5]. Важно учитывать историчность этого понятия. В процессе осмысления города как специфического социокультурного явления ученые разных областей знания осознали специфику социокультурной сущности города, выполняющего кумуляцию и интеграцию исторических достижений общества. По этому поводу Э.В. Сайо пишет: «Именно в силу объективного воспроизводства города как организма, кумулирующего и интегрирующего общественные отношения и связи на разных уровнях развития исторически определенной социальности, последовательно реализующей оптимальные формы магистрального прогресса, он выступает необходимым компонентом естественно-исторического процесса и носителем всеобщего культурно-исторического содержания последнего» [6].

С точки зрения цивилизационного подхода, вырабатывается представление о городе как о важнейшем компоненте цивилизации, одной из составляющих цивилизационную структуру, а также одним из существеннейших ее признаков. При этом урбанизационные процессы рассматриваются как часть и критерий цивилизации [7]. Другой важный момент — попытка изучения города с точки зрения процесса урбанизации, когда город выступает как «фокус урбанизационного процесса», форма и результат урбанизации, а сама урбанизация как процесс формирования и распространения городской культуры [8].

Несмотря на формирование некоторых общих методологических подходов при изучении города, это понятие не приобрело строгого категориального смысла; существуют противоречивые и даже противоположные точки зрения относительно того, какие признаки городской жизни следует взять за основополагающие, каковы критерии разделения поселений на сельские и городские. Вероятно, невозможно найти общее определение города для всего периода его существования в пределах региона или отдельной страны, т. к. все понятия историчны, в каждую эпоху они имеют свое конкретное содержание. Данной точки зрения придерживается Б.Н. Миронов, который проанализировал определения, высказанные в исторической литературе применительно к русскому феодальному городу.

Многие исследователи эмпирически (а в отдельных работах и теоретически) пришли к представлению о многофункциональности города как социально-экономического явления. Против определения города только как экономической категории выступал известный медиевист, византиновед М.Я. Слююмов [9]. Исследователь писал, что всякая дефиниция связана с определением содержания и сущности явления или общественного института. На его взгляд, содержание понятия «город» включает в себя разнообразные функции, «которые город выполняет в развитии общества, социальный состав городского населения в разные эпохи существования самого города, культурный облик последнего и его роль в оформлении общественной идеологии и развитии науки» [10]. В работах историков, разделяющих эти идеи, речь идет о понимании города не только как торгово-ремесленного, но и как военно-политического, административно-хозяйственного и культурно-идеологического центра [11].

Относительно России можно констатировать, что в большинстве случаев приобретение статуса города не являлось результатом торгово-промышленного развития поселения и определялось потребностями государственной власти (за-

дачами оборонно-стратегического характера, административного устройства и пр.) [12]. В.А. Нардова по поводу российского города пишет: «Город играл многофункциональную роль, выступая как административный, военный, культурный, религиозный общественно-политический центр, и как таковой постепенно утрачивал черты, свойственные сельскому поселению» [13].

Безусловно, важным (если не решающим) фактором идентификации города является его официальное признание в качестве такового. Л.И. Рейснер по этому поводу пишет, что особо важно отметить «факт институционально-правового оформления статуса города, его официального признания таковым (хотя бы и вместе с непосредственно прилегающей к нему территорией), его вхождение тем самым в систему (иерархию) сообщающихся между собой «политических» городов, образующих урбанистический каркас провинции, государства, империи» [14]. На этот момент следует обратить внимание, отмечает он, не потому, что он наиболее существенен по сравнению с другими (хозяйственным и социально-экономическим), а потому, что его самостоятельное значение в генезисе и типологическом анализе городов часто недооценивается или просто игнорируется [15]. Разделяя точку зрения о том, что главным фактором для определения города является его официальный статус, следует отметить, что далеко не все исследователи ее придерживаются.

Уже предпринимались попытки изучения официальных городов в конкретно-историческом плане [16]. П.Г. Рындаунский признает, что изучение населенных пунктов, официально признававшихся городами, имеет свой особый смысл и значение, т. к. в этих поселениях существовали «особые административные порядки, свойственные городам, в них обосновывались свои сословные корпорации, особая организация общественной жизни, имелся специфический городской состав населения». Поэтому, по его мнению, «рассмотрение городов в том их составе, каким он был официально признан, получает свое оправдание и представляется единственно возможным» [17].

Традиционной (но вместе с тем все еще недостаточно исследованной) для урбановедения проблемой является история городского самоуправления. Городское самоуправление во все исторические периоды являлось важным социальным институтом с довольно широкими и разнообразными функциями. Оно было необходимым и закономерным фактором организации, развития и воспроизводства городской субкультуры. Городское самоуправление в России имеет длительную историю, на протяжении которой оно неоднократно реформировалось.

Анализируя цели, характер и последствия этих преобразований, необходимо рассматривать их в связи с общей весьма дискуссионной проблемой: самодержавная власть и реформы в дореволюционной России. Очевидно, что политика самодержавия в сфере городского самоуправления менялась в соответствии с общим курсом преобразований. В период либеральных реформ Александра II была преобразована система местного управления в соответствии с принципами всесословности, разделения властей и самостоятельной деятельности в пределах предоставленной законом сферы компетенции. Целью реформ Александра II было привлечение к государственному управлению общественных элементов. Иные задачи ставила перед собой более консервативная по характеру город-

ская реформа 1892 г., проведенная Александром III, которая должна была сделать более эффективной работу городского общественного управления. Исследование законодательной базы городского самоуправления и результатов ее практической реализации (в частности, избирательного права и последствий выборов) позволяет также сделать определенные выводы об уровне политической культуры городского населения.

Объектом исследования в работах, посвященных истории городского самоуправления, являются официально признанные города, т. к. лишь они имели право формирования органов городского самоуправления, обладали особой административно-управленческой функцией.

Дискуссионным является сам термин «самоуправление». Понятие самоуправления является историческим. В этой связи представляется уместным проанализировать его эволюцию. В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона дано такое определение: «Самоуправление — институт государственного права». В нем указано, что термин «самоуправление» (нем. *selbstverwaltung*; во франц. нет соответствующего слова) на континенте Европы был довольно новым (в Германии с 1850-х гг., в России с 1860-х гг.) представлял перевод англ. *selfgovernment*. Как свидетельствует сама этимология слова, оно обозначает управление каким-либо кругом дел самими заинтересованными гражданами (непосредственно или через посредство избранных органов), без участия посторонней власти. Подчеркивалось также, что гораздо употребительнее термин «самоуправление» в более тесном смысле, когда оно является синонимом местного самоуправления и обозначает, что «хозяйственными и иными делами какой-либо административной единицы (провинции, уезда, общины и т.д.) заведуют жители этой самой единицы, а не органы центральной власти». Отмечалось, что самоуправление существует там, где «местные дела противопоставляются общегосударственным», и предполагает не только самостоятельность «местных дел», но и их независимость; оно признает различие самих источников власти «общегосударственных» и «местных» дел; первые либо властвуют милостью Божией, либо получают власть от всего народа; вторые получают ее от местного общества. Кроме того, правительство есть власть верховная, органы самоуправления — подзаконная [18].

Таким образом, автор энциклопедической статьи придерживался так называемой общественной теории самоуправления, исходным моментом которой является «противоположение «местных» интересов общегосударственным» [19]. Согласно этой теории, пишет В.М. Гессен, «самоуправление является такой же самостоятельной, органически-единой формой общежития, как само государство». По его мнению, самоуправление и государство — два замкнутых круга, две самостоятельные сферы общежития, имеющие особое, специфическое содержание, — местные интересы, с одной стороны, и национальные, с другой, — и особую цель — попечение о тех и других» [20]. Подобную концепцию разделял М.Б. Горенберг. Городское управление, отмечал он, закономерно противопоставляет государственному управлению, называя его «общественным» в результате чего органы городского управления не являются государственными органами [21]. Сторонники общественной теории самоуправления доказывали

необходимость существования автономного, независимого от государственной власти местного общественного управления. В противовес этой концепции, представители государственной теории самоуправления полагали, что органы местного общественного (в том числе и городского) самоуправления являются лишь звеном в системе государственного управленческого аппарата.

Развитие самоуправления предполагает децентрализацию управления. Выясняя связь между понятиями децентрализация и самоуправление, П.П. Гронский устанавливал черты различия между децентрализацией в форме самоуправления и децентрализацией административной (бюрократической). Он доказывал несостоятельность господствовавшей одно время в немецкой доктрине теории свободной общины и общественной теории самоуправления. Исследователь подчеркивал, что органы «местного самоуправления суть в то же время и органы общегосударственной администрации, и что они ведают дела, порученные им государством, которое руководство частью общегосударственных дел передает органам местного самоуправления» [22]. П.П. Гронский местным самоуправлением называл «такую систему местного государственного управления, при господстве которой исполнительные и распорядительные органы местных учреждений избираются местным населением и обладают достаточной степенью независимости в сфере своей компетенции» [23]. Анализируя историю местного самоуправления России и Германии, он делал вывод, что здесь децентрализация в форме самоуправления уступает место децентрализации бюрократической [24].

Представитель государственной школы в историографии, известный идеолог либерализма Б.Н. Чичерин отмечал, что местное самоуправление служит школой для самодеятельности народа, «лучшим практическим приготовлением к представительному порядку» [25]. Основное политическое правило, по его мнению, состоит в том, что местное управление должно согласовываться с центральным государственным управлением, будучи его структурным элементом. Он писал, что самоуправление не может быть исключительным началом местных учреждений, оно должно согласовываться с деятельностью центральных органов и во многих отношениях подчиняться последним, так как части подчиняются целому, что создает гармонию и единство государственной жизни [26].

Раскрывая характер связей в системе государственного управления России в XIX — начале XX вв., определяемый самодержавной природой верховной власти, Е.А. Правилова отмечает: «Использование разнообразных моделей организации местного управления и самоуправления в России предполагало сохранение преобладания управленческих связей, основанных на монополии центра в определении организационной структуры, целей и методов управления, отношениях подчинения и начальственного надзора» [27]. По ее мнению, земская и городская реформы 1864—1870-х гг. являлись единственными реформами децентрализации управления в России XIX — начала XX вв. и впервые поставили перед правительством проблему использования связей нового типа. Определив сферу компетенции органов местного самоуправления, пишет она, правительство наделило их некоторыми правовыми гарантиями самостоятельности в принятии решений по вопросам местного значения и сохранило за собой право осуществления контроля [28]. Точнее, это были первые в России рефор-

мы децентрализации в форме самоуправления, во всех других случаях децентрализация носила бюрократический характер. Если городская реформа 1870 г. провозглашала самостоятельный характер деятельности городского самоуправления, привлекая к участию в нем довольно широкую общественность, то городская реформа 1892 г. вновь внесла элементы бюрократической децентрализации в систему государственного управления.

Исходя из самой общей дефиниции, сегодня под самоуправлением понимается «качественно особый вид самоуправления, при котором функционирование какой-либо социально-политической системы (подсистемы) осуществляется не извне, а автономно, на собственной основе, при широком и активном включении ее структур в решение внутренних проблем» [29].

В конкретно-историческом плане вопрос, «что следует понимать под «классическим самоуправлением» и где проходят границы, отделяющие его, с одной стороны, от «городского общественного управления», а с другой — от самоуправления и анархии» [30], — является крайне сложным (особенно при попытках соотнесения законодательной практики с исторической реальностью). Анализ исторического материала с точки зрения долговременных тенденций развития города и системы его управления позволяет выявить те принципы, которым должно соответствовать городское самоуправление: демократический принцип выборности, разделение властей (не всегда этот принцип реализовывался достаточно четко); самостоятельность деятельности органов городского самоуправления в пределах определенной законом сферы компетенции, контроль со стороны других властных структур только за законностью этой деятельности. При рассмотрении в данном ключе последствий городской реформы 1892 г., в частности, самого Городового положения, которое предусматривало (наряду с выборным началом) право назначения губернатором людей на руководящие посты в органы городского самоуправления, а также контроль губернской администрации не только за законностью, но и за целесообразностью действий городских властей, обнаруживаются определенные несоответствия принципам самоуправления, взятого в его идеальном варианте. Однако, при обращении к реальной исторической практике на примере отдельного региона (например, Среднего Урала) можно видеть, что правом назначения губернатор никогда не злоупотреблял и пользовался им лишь в тех случаях, когда на местах возникали сложности при формировании руководящего состава органов городского самоуправления. Да и отношения городского самоуправления с губернской администрацией после реализации закона 1892 г. в провинциальных городах (например, в тех же уральских) не претерпели существенных изменений [31]. Все это лишний раз доказывает правомерность использования термина «самоуправление» применительно к концу XIX — началу XX в. и подчеркивает необходимость учитывать историчность этого понятия.

Целью данной статьи является анализ работ по истории городского самоуправления в России в конце XIX — начале XX в. в целом и вклад региональной историографии в изучение данной проблемы (на примере ураловедения). Следует отметить, что специалисты уже обращались к данной проблеме. Однако даже в фундаментальных монографических трудах В.А. Нардовой, а также в сравнитель-

В недавно опубликованной серьезной монографии Л.Ф. Писарьковой даны профессионально выполненные, но, к сожалению, достаточно сжатые историографические очерки [32]. По справедливому замечанию Л.Ф. Писарьковой, «тема городского самоуправления была слишком актуальна для пореформенной России и слишком полтигизирована в последующие десятилетия, чтобы стать предметом беспристрастного изучения историков» [33]. Пришла пора более скупулезно и максимально объективно подойти к данной теме.

Значительную часть дореволюционной литературы представляют работы (как специальные исследования, так и публицистика), в которых дается историко-правовой анализ городских реформ 1870 и 1892 гг. Одной из первых работ, посвященных городской реформе 1870 г., стала книга А.А. Головачева «Десять лет реформ». Автор подробно проанализировал Городовое положение 1870 г. и пришел к выводу об ограниченной самостоятельности органов городского самоуправления. В частности, он отмечал, что Городовое положение 1870 г. «предоставляло возможность для администрации распоряжаться по усмотрению всем городским хозяйством через посредство городского головы». «Мы не хотим этим сказать, что такова была цель Положения, но таковы оказываются последствия, которых, быть может, никто не желал», — добавлял он [34].

История дореформенного городского управления получила освещение и в исследованиях И.И. Дитяткина [35]. Историк, в частности, тщательно изучил процесс подготовки Городового положения 1870 г., ознакомившись с деятельностью правительства, местных комиссий; проанализировал проекты этого закона, его основные статьи.

Г.И. Шрейдер исследовал в историко-правовом плане Городовые положения 1870 и 1892 гг., а также социальные последствия городских реформ [36]. Проанализировав состав органов городского общественного управления после реформы 1892 г., Шрейдер отмечал, что наблюдалось повышение общего образовательного уровня членов городских дум и, наоборот, его понижение у членов городских управ. Г.И. Шрейдер указывал на реакционный характер Городового положения 1892 г. О городской реформе 1892 г. он писал, что законом было «создано только подобие самоуправляющегося учреждения; в действительности на месте самоуправления им организовано управление местностью на началах казенной правительственной администрации через состоящих на государственной службе выборных чиновников, т.е. по существу тех же выборных приказных, приставленных к царскому делу» [37]. Он отметил, что Городовое положение резко сокращало контингент избирателей путем повышения избирательного ценза, а также тот факт, что некоторые его принципы совершенно не соответствовали началам самоуправления; в частности, право назначения членов городского общественного управления наряду с сохранением избирательного принципа [38].

Г. Джаншиев охарактеризовал процесс подготовки реформы 1870 г., указав на крупные недостатки Городового положения, в частности, связанные с принципами избирательной системы, благодаря чему «создалось такое положение, что заслуженный профессор, видный ученый или медик должен был фиктивно выправить за два года приказчиье свидетельство или купить какую-нибудь развалину на окраине города, чтобы получить право участия в го-

родских выборах». Одним из крупных недостатков Городового положения 1870 г. исследователь называл «столь вредное и с теоретической, и с практической точек зрения соединение в лице городского головы председательства в городской думе и в городской управе». Г. Джаншиев несколько переоценивал значение закона 1870 г., говоря об «освобождении городского управления от угнетающей, все тормозящей опеки административной власти». В целом ученый утверждал об определенных успехах в работе городского самоуправления после реформы 1870 г., успехах, которые официально были засвидетельствованы указом Александра III 11 июня 1894 г. («Городовое положение 1870 г. принесло в течение 20-ти лет своего применения немаловажную пользу»). «Как крупные были некоторые недостатки Городового положения, — писал Г. Джаншиев, — проникавший его дух самостоятельного управления городскими делами» был так необходим, а результаты деятельности городского самоуправления плодотворны, в результате чего реформа оставила «отрадный след в истории русской культуры» [39].

Из работ начала XX в. выделяется труд Д.Д. Семенова «Городское самоуправление. Очерки и опыты». Он попытался выявить подлинные формы децентрализации и принципы самоуправления. Исследователь отмечал, что действительная децентрализация может базироваться только на местном самоуправлении, причем органы такого самоуправления должны быть наделены широкими и достаточно самостоятельными полномочиями. Он подчеркивал, что в плодотворные и значительные результаты городских общественных управлений организованных по положению 1870 г., должны быть приписаны преимущественно той самостоятельности, которая была дарована городам этим положением. Сравнивая Городовые положения 1870 и 1892 гг., Д.Д. Семенов приходил к выводу о преимуществах положения 1870 г., допускавшего большую самостоятельность городских общественных учреждений [40].

Литература по городскому самоуправлению, вышедшая в начале XX в. ставила перед собой задачу доказать несостоятельность городской реформы 1870 г. в целом и в новых условиях, в частности. Во многом это было обусловлено недостаточной эффективностью городского общественного управления, также связано с разработкой и обсуждением проектов реформирования местного самоуправления в Государственной думе в начале XX в. Критика Городового положения велась в сравнении с Городовым положением 1870 г. Для работ этих лет типична определенная идеализация закона 1870 г. [41]. Так, А.Г. Михайловский писал, что Городовое положение 1870 г. является типичным результатом знаменательной эпохи великих реформ, которое, как и большинство правительственных начинаний 60-х гг., было проникнуто умеренно-либеральным духом. Негативной чертой этой реформы, на его взгляд, являлась лишь трехстепенная избирательная система, скопированная с наименее демократической из западно-европейских избирательных систем — прусской избирательной системы. Эпоху Александра III А.Г. Михайловский оценивал как эпоху реакции, отмечал, что в результате реформы 1892 г. городское управление было превращено в полубюрократическое учреждение, действовавшее по указке администрации [42].

А.А. Кизеветтер в реформах 1860—1870-х гг. видел лучшее проявление одружества царской власти с либералами. Как и другие кадеты, он оценивал эти реформы очень высоко. По поводу Городового положения 1870 г. он писал, что оно представляло собой крупный шаг вперед в деле развития общественного самоуправления по сравнению с дореформенным порядком. Однако одновременно, по его словам, оно отразило некоторые колебания между старыми и новыми началами. Видя в реформах сочетание консервативных и либеральных элементов, Кизеветтер отмечал зависимость городского самоуправления от администрации; неравномерное участие городских слоев в городском управлении; преобладание купечества в городских думах. Что касается городской реформы 1892 г., то А.А. Кизеветтер писал: «Городовое положение 1892 г. ввело некоторые технические улучшения в отдельные стороны устройства городского самоуправления, — упомянем, например, замену системы трехклассных выборов территориальными избирательными округами, — но в общем еще более усилило как односторонность состава городских дум, так и зависимость городского самоуправления от администрации» [43].

С.Ю. Витте охарактеризовал существовавшее городское самоуправление, проанализировав его законодательную базу, остановился на некоторых недостатках городского самоуправления, существовавших на практике. Он рассмотрел также городской бюджет, изучив источники доходов и направления расходов, вопросы, связанные с отчетностью и налоговой политикой городских властей [44]. Большинство исследователей доказывало насущную необходимость городской реформы 1870 г., обусловленную развитием городов в социально-экономическом отношении, прогрессивное значение этого закона [45]. В.И. Пичета пришел к выводу, что, несмотря на существование отдельных недостатков, Городовое положение 1870 г. имело огромное значение для развития русского города. Он писал, что, «несмотря на неравномерное распределение гласных и привилегированное положение капитала, Городовое положение все-таки предоставляло городским учреждениям большую самостоятельность, результаты которой сказались уже к концу 80-х годов XIX века, когда многие из городов совершенно изменили свой внешний облик, улучшили городское хозяйство, существенно развили свою культурно-просветительную деятельность в интересах всего городского общества» [46]. Лучшей стороной реформы К.А. Пажитнов считал предоставление городскому общественному управлению довольно широкой самостоятельности в ведении городского хозяйства и решении местных дел. В целом, он приходил к выводу о том, что, несмотря на все свои недостатки, Городовое положение 1870 г. являлось «крупным шагом вперед как по сравнению с предшествующим периодом, так и с тем положением, в котором находится современное городское самоуправление» (автор имел в виду закон 1892 г.), т. к. оно «проникнуто, хотя и умеренно, но все же либеральным духом, и построено на идее доверия к общественной самостоятельности». Свои выводы о характере и результатах городской реформы 1892 г. К.А. Пажитнов подкреплял статистическими данными, отмечая сокращение численности избирателей в различных городах России. Он констатировал тот факт, что одновременно сократилось и число гласных. К.А. Пажитнов подчеркивал, что по закону

1892 г. усилился контроль администрации над органами городского самоуправления, городские головы и члены управ стали считаться с этого времени людьми, состоящими на государственной службе; фактически городское общественное управление теряло самостоятельность. Основной вывод К.А. Пажитнова заключался в том, что реформа 1892 г. отбросила нас далеко назад по сравнению с порядками, существовавшими в городах Западной Европы [47]. Проблему самостоятельности органов городского общественного управления А.А. Корнилов тесно связывал с правом самообложения и бюджетной политикой города в целом, которая ограничивалась законодательством.

Почти во всех дореволюционных трудах по теме городского самоуправления уделялось внимание избирательному праву. В отличие от европейских стран, в России право голоса для участия в городских выборах как по Городовому положению 1870 г., так и по Городовому положению 1892 г. не получали квартираниматели. О необходимости введения образовательного ценза наряду с имущественным писал И.О. Фесенко [48]. Интеллигенция, не обладавшая имущественным цензом, устранилась от участия в городских выборах. В этой связи А.Ф. Кемеровский писал, что в результате такой избирательной системы беднейший мещанин, вносящий десятикопеечный сбор, мог выбирать, мог пройти в гласные, а профессор, судья, литератор, художник не могли этого сделать [49]. Коренное юридическое различие между заграничным и российским городским самоуправлением подчеркивал В.Ф. Тотомианц, что, по мнению исследователя, было обусловлено особенностями российской избирательной системы [50].

Оценка городских реформ давалась в общих работах по истории России. Так, в «Учебнике русской истории» С.Ф. Платонова, изданном впервые в 1900—1910 гг., городская реформа 1870 г. оценивалась позитивно. Историк отмечал ее положительное значение для социально-экономического роста городов. С.Ф. Платонов писал, что в тот период «города ожили и, пользуясь новым самоуправлением, приняли иной вид»; «из административных центров они стали превращаться в центры народно-хозяйственной деятельности» [51].

Специальных работ по истории городского самоуправления на Урале до революции не было, однако в различных сборниках материалов, а также работах, посвященных истории уральских городов, можно обнаружить сюжеты, связанные с историей городского самоуправления. В частности, в сборнике «Столетие Вятской губернии» повествовалось о введении Городового положения 1870 г. в городах Вятской губернии (приведены интересные данные о формировании первых по закону 1870 г. органов городского самоуправления, результатах их деятельности, сведения о городских бюджетах) [52].

Отдельные аспекты темы городского самоуправления на Среднем Урале до революции рассматривались в работах, посвященных истории отдельных городов. Список городских голов Перми и отдельные факты из истории городского самоуправления приводятся в работе А. Дмитриева «Очерки из истории города Перми». Список городских голов с биографическими данными помещен в «Сборнике статей о Пермской губернии» Д. Смышляева. Одним из первых, кто на примере Екатеринбурга обратился к теме городского самоуправления, был известный писатель и знаток края Д.Н. Мамин-Сибиряк. Составив и проана-

лизируя список городских голов Екатеринбурга с 1800 по 1884 г., он пришел к выводу, что в течение этого периода во главе городского управления находились представители коренных купеческих родов Тарасовых, Рязановых, Казанцевых, Харитоновых, Коробковых и других, внесших «в жизнь Екатеринбурга характерную окраску московской раскольничьей старины, а потом единоверия на особых условиях». В работе «Город Пермь. Сборник очерков по истории, культуре и экономике города», а также в трудах В. Верхованцева уделяется внимание городскому самоуправлению, рассматривается бюджет Перми, коммунальное хозяйство города (в частности, освещается деятельность пермского городского самоуправления, связанная с благоустройством города, авторы повествуют о строительстве в Перми водопровода и электрической станции и т.д.). П.Н. Столянский коснулся вопросов работы органов самоуправления Оренбурга; на примере земельных споров автор раскрывал их взаимоотношения с казачеством [53].

Таким образом, основным вкладом дореволюционных исследователей в исследование проблемы являлось изучение истории городских реформ 1870 и 1892 г. в России (их подготовка, оценка целей, характера и результатов этих преобразований), тщательный историко-правовой анализ законодательной базы городского самоуправления (Городовых положений 1870 и 1892 гг.). Что же касается собственно истории городского самоуправления на Урале, то в трудах дореволюционных историков получили освещение лишь отдельные аспекты проблемы.

Длительное время представители советской историографии в соответствии с установками марксизма-ленинизма в процессе обращения к городской проблематике в большей степени изучали социально-экономическую и политическую историю генезиса и развития буржуазной формации. Тема городского самоуправления почти не изучалась. «Если социально-экономическое развитие городов получило в историографии известное освещение, — справедливо отмечает В.А. Нардова, — то неразрывно связанная с ним проблема управления и самоуправления как в дореволюционной, так и советской исторической науке изучена крайне слабо» [54]. Западное урбановедение пошло по иному пути, занимаясь, главным образом, вопросами типологизации городов, выявлением графообразовательных и функциональных особенностей городов и городских систем, вопросами управления.

Тем не менее, в советской и современной отечественной историографии все же освещались причины, характер и результаты преобразований городского управления 1870 и 1892 г. Конкретно-исторические работы советских авторов касались, главным образом, самоуправления отдельных городов; многостороннее освещение получила, в частности, история Московского городского самоуправления [55].

Значительный вклад в изучение городского самоуправления внес Л.А. Велихов, проанализировавший город и его хозяйство в целом в историческом, экономическом и правовом отношении, а также конкретные отрасли городского хозяйства [56]. В дальнейшем обращение к городским реформам 1870 и 1892 гг. было связано с исследованиями внутренней политики самодержавия. В частности, ведущий специалист в этой области П.А. Зайончковский уделил внимание Городовому положению 1892 г. Он проанализировал основные причины проведения

новой городской реформы, рассмотрев высказывания высших государственных деятелей, предложения губернаторов и градоначальников, последовавшие в правительство в связи с подготовкой реформы. При этом он подробно остановился на отмеченных ими недостатках городского общественного управления, которые и должна была упразднить новая реформа (1892 г.). Сравнив Городовое положение 11 июня 1892 г. с Городовым положением 1870 г., П.А. Зайончковский пришел к выводу о том, что реформа внесла существенные изменения в избирательную систему, значительно ограничив избирательное право и ликвидировав трехкратную систему выборов посредством введения одного избирательного собрания. Исследователь подчеркнул, что в результате реформы изменился характер взаимоотношений органов городского самоуправления с администрацией, резко усилился контроль губернатора над городскими властями. Регламентация численного состава органов городского самоуправления, их деятельности, как отмечал историк, — другая сторона реформы 1892 г.

В целом П.А. Зайончковский делал вывод о том, что Городовое положение 1892 г. существенно уменьшило самостоятельность органов городского общественного управления, усилив права администрации и превратив членов городских управ (исполнительных органов власти) в лиц, состоящих на государственной службе. Реакционное значение городской реформы 1892 г. он связывал с лишением значительной части мелкобуржуазных слоев городского населения избирательного права, усилением роли дворянства в связи с изменениями в избирательной системе. Положительное значение реформы, по его мнению, заключалось в изменении состава органов городского самоуправления (увеличении числа лиц интеллигентских профессий — людей со средним и высшим образованием) [57].

Начинания П.А. Зайончковского продолжила Л.Г. Захарова, крупный современный специалист по вопросам пореформенной России. Она, в частности, исследовала вопрос о формировании общей концепции реформ, их взаимосвязи, отметив, что «осуществление земской реформы сделало неотвратимым создание городского самоуправления также на началах выборности и всеобщности по закону 1870 г.». Влияние личностного фактора на исторический процесс в целом, роль Александра II в проведении великих реформ 60—70-х гг. XIX в. (в том числе и городской) подчеркивается в другой статье Л.Г. Захаровой. «Александр II сознательно шел на введение новых институтов — всеобщего местного самоуправления в уездах, губерниях, городах...», — пишет она. Другой аспект проблемы роли личности в истории — оценка личностных качеств деятелей городского самоуправления — также нашел отражение в работах по истории органов городского самоуправления. Так, Л.Ф. Писарькова обратилась к личностным характеристикам городских голов Москвы. Отмечая широкие полномочия городского головы по закону, она отмечает важную роль личных качеств городского головы. Исследователь пишет, что на протяжении 1863—1917 гг. 14 человек, разных по воспитанию, образованию и характеру, сменяли друг друга на должности московского городского головы [58].

В историографии существуют разные точки зрения относительно целей городской реформы 1870 г. В.В. Гармиза полагает, что при проведении реформы преследовалась цель «привлечь к управлению верхушку города — крупную

нансовую и торговую буржуазию». По мнению же В.А. Нардовой, «наиболь-
ю заинтересованность правительство проявляло в привлечении к городскому са-
управлению представителей дворянского сословия», которое являлось
ключевой опорой царизма. Именно поэтому необходимо было проанализировать
эволюцию городского самоуправления после реформы. Этот вопрос обсуждался в ра-
ботах других исследователей, в частности, изучавших социальный состав органов
городского самоуправления в губерниях Центрально-черноземного района [59].

В современной историографии было подвергнуто критике определение «контр-
реформы» применительно к преобразованиям Александра III [60]. Действительно,
городскую реформу 1892 г. вряд ли можно назвать контрреформой, т. к. она не
предусматривала целостную замену предшествующей системы городского самоуп-
равления какой-либо принципиально новой моделью. Городовое положение 1892
предполагало корректировку реформы 1870 г., попытку приспособить городское
общественное управление к новому правительственному курсу, новой политической
доктрине. Вместе с тем, Городовое положение 1892 г. внесло определенные ка-
чественные изменения в систему городского самоуправления (более консерватив-
ные по сравнению с законом 1870 г.). В целом эта попытка, как и другие
преобразования подобного рода, не удалась в полной мере [61].

Важное место в историографии проблемы заняли труды В.А. Нардовой,
которая впервые ввела в научный оборот широкий массив архивных материа-
лов, на общероссийском материале проанализировав причины и предпосылки го-
родских реформ, их ход, характер и результаты. В.А. Нардова подчеркивает,
что реформу городского самоуправления 1870 г. следует рассматривать в русле
реформ 60-х гг. XIX в., т. к. на изменение программных установок в более
прогрессивном направлении оказала влияние предшествующая разработка зем-
ного положения. По мнению В.А. Нардовой, городская реформа 1870 г. была
приближена к буржуазным правовым нормам (имеется в виду принцип всеосо-
бственного представительства, разделение распорядительной и исполнительной
властей и самостоятельность городского общественного управления). Исследо-
ватель ставит принципиально важный вопрос о роли и значении органов город-
ского самоуправления в системе самодержавного государственного строя. На
широком общероссийском материале (использованы данные о крупных городах
всего империи) В.А. Нардова раскрывает характер взаимоотношений органов городского
самоуправления с правительственной администрацией, приводит данные о со-
циальном составе городских избирательных собраний для выяснения социальных
причин в целом пассивного отношения городских дум к реалиям общественно-
политической жизни страны, анализирует социально-имущественный состав
крестьянских и городских голов, рассматривает городской бюджет, отдельные аспекты
деятельности городских властей [62].

Следует отметить, что не потеряли своей актуальности и историко-право-
вые исследования местного самоуправления второй половины XIX в. [63].

Сравнительно недавно стали появляться региональные исторические иссле-
дования городского самоуправления [64]. До этого ученые обращались главным
образом к изучению истории самоуправления в масштабах отдельных городов
и страны в целом.

Большой интерес представляет монография Л.Ф. Писарьковой, в которой проанализирована история городского самоуправления Москвы во второй половине XIX — начале XX в. [65]. При этом не со всеми положениями данной работы можно согласиться. Невозможно признать справедливым тезис о том, что городское самоуправление в России берет начало с «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» (1785 г.). В действительности институты городского самоуправления появились значительно раньше, и, кроме того, существовала определенная преемственность традиций городского самоуправления [66]. По мнению Л.Ф. Писарьковой, низкая активность избирателей, сословный антагонизм среди избирателей и гласных, образование в их среде «сословных партий, характерные для городского самоуправления Москвы 1870—1880-х гг. и менее заметные в предыдущий период, были последствием избирательной системы» [67]. Как нам кажется, существовали и более глубокие причины данного явления. Предвыборная борьба, противостояние различных группировок в московском городском самоуправлении являлись показателем возрастающей общественной активности различных представителей городского общества, но, чтобы продемонстрировать ее, они облекались в старые одежды «сословного покроя». Вместе с тем, можно полностью согласиться с выводами автора о прогрессивных изменениях в городском самоуправлении по закону 1870 г., связанных с предоставлением ему определенной финансовой самостоятельности (в частности, предоставление городам новых источников доходов). Однако исследователь отмечает, что «широкая самостоятельность, предоставленная органам городского самоуправления, обернулась всесилим управы и злоупотреблениями ее членов». Подобно тому, как в большинстве работ тотально критиковалась городская реформа 1892 г., с точностью до наоборот эта реформа идеализируется Л.Ф. Писарьковой: целесообразными признаются и сокращение численности избирателей путем установления высокого имущественного ценза (как следствие — увеличилось число лиц с высшим образованием в составе гласных Московской городской думы), и усиление государственного контроля над органами городского самоуправления со стороны (в результате чего пресекались злоупотребления органов городского самоуправления) [68]. Безусловно, реформа 1892 г. усовершенствовала избирательную систему, создав единое избирательное собрание с использованием территориального принципа выборов. Между тем, вряд ли можно признать прогрессивным сокращение контингента городских избирателей по законам 1870 г. (единственное, что не соответствовало духу либеральной реформы Александра II) и 1892 г. В других капиталистических государствах в течение всего XIX и в начале XX в. наблюдалась демократизация избирательного права с приближением его к всеобщему, равному, тайному и прямому голосованию, при пропорциональном представительстве [69].

Роль городских реформ 1870 и 1892 гг. в социальной истории России рассмотрел Б.Н. Миронов. Он пришел к выводу, что Городовое положение 1870 г. во многом способствовало девальвации сословной парадигмы. Городовое положение, отмечает он, превратило сословное городское самоуправление во всесословное, в котором дворянство и профессиональная интеллигенция заняли значительное место [70] (следует подчеркнуть, что далеко не во всех городах;

ной была ситуация в малых провинциальных городах — Е.А.). Б.Н. Мионов отмечает, что до 1870 г. ни крестьяне-отходники, ни в большинстве случаев крестьяне-горожане не принимали участия в городском самоуправлении. Вместе с тем, во всех городах крестьяне-горожане участвовали в принятии городским обществом решений, которые непосредственно их касались. Он подчеркивает, что по Городовому положению 1870 г. все крестьяне-горожане получали это право, если удовлетворяли цензу [71]. Исследователь полагает, что реформа внесла «коренное изменение в отношения между городским обществом и коронной администрацией и вследствие этого изменила традиционный дуализм городского общества», «новые городские думы больше не считали себя слугами государства, ответственными перед ним за свою деятельность» [72]. Признавая усиление общественного элемента в системе городского самоуправления в последней трети XIX в., вместе с тем, нельзя отрицать факт его инкорпорированности в государственные управленческие структуры (в частности, об этом свидетельствует установление надзора над органами городского самоуправления со стороны правительственной администрации). Городовое положение вновь декларировало этот дуализм. Вряд ли можно говорить о том, что с 1870 г. органы городского самоуправления полностью утратили свой двойственный характер учреждений государственных и общественных. Однако с этого времени они в большей степени стремились отстаивать свои общественные интересы. Деятельность земств и городских дум способствовала дальнейшему распространению и развитию либеральных взглядов и настроений среди общественности [73]. Следует признать справедливым общий вывод Б.Н. Мионова, что «во второй половине XIX в. складывается новый политический менталитет, согласно которому общество имеет право и должно участвовать в государственном управлении наравне с коронной администрацией» [74].

Проблемам российского города в целом и городским реформам 1870 и 1892 гг., в частности, уделяется определенное внимание в работах зарубежных историков Р. Пайпса и Сетон-Уотсона. Р. Пайпс проанализировал социальную структуру российского города, ее эволюцию с течением времени. Сетон-Уотсон подчеркнул значительность преобразований Александра II (в том числе и городской реформы 1870 г.). Однако он обратил внимание и на определенные недостатки реформы — устранение рабочих и интеллигенции от участия в выборах. К положительным результатам реформы он отнес улучшение внешнего благоустройства городов, их внешнего облика. Что касается городской реформы 1892 г., то Сетон-Уотсон подчеркивает, что ее важными чертами было дальнейшее сокращение избирательного права, усиление власти бюрократов, отвергавших местную инициативу, консервативности городских голов, недостаточное благоустройство городов в целом (наблюдались резкие контрасты между центром и окраинами) [75].

Б.Х. Самнер подчеркнул, что в истории России можно наблюдать идеи, принципы и реальное существование выборных институтов, но вместе с тем отметил, что они развивались непосредственно, неважно и почти целиком зависели от центральной власти. В России, пишет он, первичной была история местного самоуправления, а затем история народного представительства на обще-

государственном уровне. Б.Х. Самнер также отметил, что великие реформы Александра II были в основном достижением, результатом реформаторской деятельности прогрессивно мыслящей бюрократии, которую стимулировало давление снизу и которая сотрудничала с различными комитетами, иногда выбираемыми или назначаемыми. В основе реформ лежали идеи разделения власти представительной и исполнительной, идеи децентрализации и самоуправления; этим идеям противостояли консервативные силы, что породило длительную борьбу за их реализацию. Учреждению городских выборных институтов самоуправления, отмечает Самнер, предшествовало создание земств. Принципы проведения этих реформ во многом совпадали. Сходную судьбу земские и муниципальные институты имели и в период царствования Александра III. В результате реформы 1892 г. над городским самоуправлением усилился контроль со стороны центральной власти. В целом, подчеркивая положительные результаты деятельности городского самоуправления, историк пишет, что, несмотря на оппозицию бюрократии, практика местного самоуправления на протяжении почти полувека (до революции 1917 г.) не прошла бесследно. В политическом смысле сами идеи и практика местного самоуправления способствовали развитию либерализма в России в условиях противостояния консервативных и либеральных сил [76].

Н.Б. Вайсман отмечал, что сфера компетенции земств и городского самоуправления была ограничена социально-экономическими (хозяйственными) вопросами. Царская власть, по его мнению, вовсе не собиралась кардинальным образом преобразовывать местное самоуправление, стремясь интегрировать его в существующий порядок. Исследователь рассмотрел существовавшие в историографии концепции местного самоуправления. В частности, Н.Б. Вайсман подчеркнул, что, в отличие от своих предшественников, сторонники государственной теории отрицали какое-либо различие в задачах и функциях государственной власти и местной. Они рассматривали земское и городское самоуправление как интегральную часть государственной структуры, отличающуюся лишь выборным принципом формирования своих представителей [77]. Ричард Роббинс писал по поводу Городового положения 1870 г., что в результате этой реформы городское самоуправление получило функции в социально-экономической сфере, которые до этого осуществлялись губернской администрацией. Он отмечал, что городская реформа была проведена не во всех городах Российской империи. Историк также подчеркнул довольно высокую степень независимости местного самоуправления, полученную им в результате реформ Александра II [78]. В своей монографии Томас Пирсон писал о том, что ведущие концепции законодательства в области городского общественного управления (законы 1870 и 1892 гг.) были заимствованы из земского законодательства 1864 и 1890 гг., соответственно [79].

Проблемы городского самоуправления нашли отражение в ураловедении XX в. В историографической статье Б.А. Сутырина (1967 г.) подчеркивается, что предшественниками было положено начало изучению генезиса капиталистического города на Урале, но судьба городов пореформенного периода еще не получила серьезной историографической разработки [80]. Демографией городов Урала занимался В.П. Пешков [81]. Он исследовал численность и со-

циальный состав постоянного населения городов дореформенной Пермской губернии. Рассмотрев численность горожан Пермской губернии в динамике (в 1786, 1815 и 1858 гг.), он отметил изменения в темпах ее роста: наиболее медленными они были в конце XVIII — начале XIX вв. и, наоборот, быстрыми — в 1815—1858 гг. За 1786—1858 гг., по расчетам автора, более чем в два раза увеличилось население Ирбита (334%), Шадринска (241%), Алапаевска (177%), Осы (151%), Камышлова (126%), Перми (124%), Екатеринбургa (117%), Долматова (112%). Он отмечает также, что наблюдался рост населения Чердыни (61%) и Кунгура (55%).

Специалисты уделяли некоторое внимание проблеме городского самоуправления в обобщающих работах по истории уральских городов и Урала в целом, однако конкретная деятельность органов городского самоуправления не получила в них глубокого освещения [82]. При этом для советской историографии была характерна критическая оценка органов городского самоуправления второй половины XIX — начала XX вв. В новых очерках по истории города Екатеринбургa («Екатеринбург. Исторические очерки (1723—1998)»), не отличающихся новизной в оценке городских реформ 1870 и 1892 гг., отмечаются заметные успехи в работе городских властей, в частности, повествуется о том, что пореформенные органы городского самоуправления сыграли положительную роль в хозяйственном развитии города, его благоустройстве, расцвете местной торговли и промышленности, способствовали совершенствованию народного образования и здравоохранения, улучшению санитарного и противопожарного состояния и т.п. [83].

Специально обращался к проблеме городского самоуправления Екатеринбургa М.А. Горловский [84]. Опираясь на архивные (ЦГИАА, теперь РГИА; ГАСО) и опубликованные материалы, историк проанализировал результаты проведения городской реформы 1870 г., функционирование избирательной системы, подробно рассмотрел выборы гласных на второе четырехлетие после реформы, которые проводились в 1876 г. Автор уделил внимание численному и сословно-социальному составу избирателей Екатеринбургa. По мнению М.А. Горловского, подавляющая часть населения города не могла принимать участие в выборах, трехзрядная избирательная система обеспечивала численное преимущество верхушки городского общества (домовладельцев, торгово-промышленной части населения города и чиновничества) в органах городского самоуправления. Рассмотрев сословно-социальный состав органов городского общественного управления, Горловский доказал, что большинство гласных Екатеринбургской городской думы принадлежало к купечеству и чиновничеству города. М.А. Горловский коснулся также вопросов, связанных с проблемой взаимоотношений городского самоуправления с правительственной администрацией. Историк показал, что заседания Екатеринбургской городской думы (распорядительного органа городского самоуправления) в начале 70-х гг. XIX в. проходили нерегулярно. Автор статьи отметил и тот факт, что на заседаниях думы реально принимало участие не более половины всего числа гласных, лишь на отдельных заседаниях их было больше. Он охарактеризовал сферу компетенции городских властей. М.А. Горловский довольно подробно рассмотрел бюджет Екатеринбургa с 1871 по 1875 гг. Относительно быстрый рост доход-

ной части городского бюджета он объяснял тем, что после реформы и особенно с конца 60-х гг. XIX в. оживилась промышленность и торговля города, вследствие чего население Екатеринбурга стало облагаться более крупными налогами и различными сборами. Анализируя расходную часть городского бюджета Екатеринбурга, исследователь доказывал неправомерность точки зрения, согласно которой городской общественное управление в России в результате городской реформы 1870 г. получило самостоятельность. М.А. Горловский отмечал, что Екатеринбургская городская дума большие суммы денежных средств расходовала в качестве обязательных, что ограничивало ее самостоятельность в процессе ведения городского хозяйства.

Аналогичные проблемы на примере губернского города Перми исследовал М.И. Черныш [85]. Его целью было «вскрыть классовую сущность новых органов городского общественного управления и показать ограниченность их прав в вопросах, относящихся к нуждам городского населения». М.И. Черныш проанализировал состав Пермской городской думы и ее бюджет, деятельность кредитных учреждений города, работу городских властей в различных сферах городского хозяйства. Автор разделяет традиционную для историографии точку зрения о прогрессивности нового устройства, введенного городской реформой 1870 г., по сравнению с предшествовавшим порядком. Вместе с тем, автор подчеркивал, что городское общественное управление было ограничено узкими рамками чисто хозяйственных вопросов; выполняя свои обширные и сложные обязанности, оно было ограничено в правах и зависело от центральной и губернской правительственной власти. М.И. Черныш в своей статье доказывал, что городское самоуправление по существу не представляло интересов всего городского общества. Проанализировав состав Пермской городской думы в первые три четырехлетия (1871—1882 гг.), он утверждал: «Органы местного общественного управления (городская дума, городская управа), замышляемые по закону 1870 года как бессословные, в противоположность сословным городским думах дореформенного периода, по существу были отданы в руки крупной и средней промышленной буржуазии и купечества». Рассмотрев деятельность органов городского самоуправления Перми в различных сферах, М.И. Черныш сделал вывод о том, что практические мероприятия городской думы в области благоустройства города, забота о народном образовании, медицине, ветеринарии и санитарии и пр. имели ограниченный характер и во многом классовую направленность.

История городского самоуправления в Вятской губернии исследована в диссертации С.В. Мясникова [86]. Ученый рассмотрел самоуправление уездных городов Вятской губернии периода городской реформы 1870 г. В качестве конкретных объектов исследования им взяты все десять уездных городов этой губернии. Историк дает характеристику городов, отмечает особенности избирательных кампаний, рассматривает сословно-социальный состав городских дум и управ, деятельность органов городского самоуправления в различных сферах общественной жизни. Исследователь на конкретном фактическом материале освещает способы ведения городского хозяйства, анализирует бюджеты вятских городов. Автор показывает роль отдельных личностей в работе городского самоуправления. Исследователь констатирует тот факт, что города Вят-

ской губернии по составу населения являлись мещанскими, однако ведущую роль в их социально-экономической жизни играло местное купечество. Большинство городских голов являлись купцами. Автор подчеркивает, что введение самоуправления в городах Вятской губернии способствовало привлечению купечества, как наиболее могущественной и деятельной части населения, к общественным делам. Несмотря на ограниченность бюджетов, городским властям удалось во многом улучшить муниципальное хозяйство. Со времени введения Городового положения 1870 г. в городах Вятской губернии в лучшую сторону менялся их внешний облик. Заметных успехов они добились в области просвещения и медицины. Однако хронологические рамки исследования С.В. Мясникова охватывают только период городской реформы 1870 г.

Городское общественное управление Южного Урала накануне городской реформы 1870 г. (в 60-е гг. XIX в.) исследовала Г.Э. Эмалетдинова, проанализировавшая серию мероприятий, предпринятых МВД в апреле-июне 1866 г., с целью приведения к возможному единству допущенных ранее в разных городах Оренбургской и Уфимской губерний особых форм городского общественного устройства [87].

В историографии получили разработку вопросы, связанные с участием органов городского самоуправления Екатеринбурга в коронационных торжествах весны-лета 1883 г., в подготовке и проведении сибирско-уральской выставки 1887 г. [88]. Интересны работы, посвященные отдельным личностям, членам городского самоуправления (гласным, городским головам, членам управ), которые вошли в историю того или иного города [89].

В 1998 г. вышла в свет книга Е.Г. Анимиды и А.Т. Тертышного «Местное самоуправление: история и современность» [90]. Авторы обращаются к истории местного самоуправления в дореволюционный и советский периоды, ставя перед собой цель — рассмотреть в общих чертах необходимость воссоздания, реформирования и развития местного самоуправления в условиях становления демократии и развития рыночных отношений в России с учетом отечественного и зарубежного опыта. В книге более подробно исследуются особенности формирования местного управления и самоуправления на Урале. Как определенные этапы в истории городского самоуправления авторы книги рассматривают городские реформы 1870 и 1892 гг. Они подчеркивают, что в России в результате реформ Александра II на местах сформировались две системы управления: 1) государственное управление; 2) земское и городское самоуправление. По мнению авторов этой работы, «земское и городское самоуправление так и не было включено в круг государственных законоположений» [91]. Однако этот тезис, с которым нельзя согласиться, они не подкрепляют конкретным фактическим материалам. Анализируя взаимоотношения органов местного общественного управления с губернской администрацией, авторы, по сути противореча себе, отмечают подотчетность и подконтрольность, тесное взаимодействие земского и городского самоуправления с другими высшими звеньями государственного аппарата управления.

Эволюция городского самоуправления Шадринска (включая период городских реформ 1870 и 1892 гг.) показана в работе Н.А. Миненко, С.В. Федо-

рова [92]. Авторы рассматривают организацию выборов в органы городского самоуправления Шадринска, состав последних, а также рисуют «живую» картину работы городских властей Шадринска.

Работа «Пермские губернаторы: традиции и современность» содержит сведения о взаимоотношениях губернаторов с городскими властями. В исследованиях по социально-экономической истории уральских городов в той или иной степени освещается многосторонняя деятельность органов городского самоуправления [93].

Свидетельством возросшего научного интереса к истории городского самоуправления на Урале стало появление новых диссертаций по данной тематике [94]. Объектом изучения в диссертации Е.Ю. Апкаримовой являются уральские города последней трети XIX — начале XX в. Уровень и темпы развития, модели социальной стратификации, социальный статус и реальное положение представителей отдельных сословий, степень их корпоративности и роль в общественной жизни, доминирующее функциональное назначение существенно варьировались в этих городах. Все эти факторы отразились на истории городского самоуправления, обусловили его специфику в разных городах Среднего Урала. Вместе с тем, в организации городского самоуправления в указанном регионе имелись и общие черты, которые обуславливались особенностями региона. Территориальные рамки исследования в диссертации Е.Ю. Апкаримовой охватывают Средний Урал, административно входивший в изучаемый период в Пермскую губернию. Всего к 1870 г. здесь насчитывалось 15 городов: 12 уездных (в том числе губернский город Пермь) и 3 безуездных. Выбор данных географических границ объяснялся важностью проведения конкретно-исторических региональных исследований проблемы, в том числе на материалах Урала с учетом его специфики. Средний Урал отличался от других областей более высокой концентрацией горнозаводской промышленности. Становление самоуправления в местных городах происходило по-разному: в одних (Чердынь, Соликамск) оно восходило к давним традициям собственно городского самоуправления, в других, образованных из слобод (Шадринск, Камышлов), — долгое время сохраняло облик сельского самоуправления, в некоторых — развивалось под более жестким и многосторонним контролем горнозаводской администрации (например, Екатеринбург, который продолжительное время имел даже особый статус горного города). В XVIII—XIX вв. на Урале параллельно с общероссийской губернской управленческой системой существовала особая система горного управления, которая не только регламентировала развитие и размещение горнозаводской администрации, но и осуществляла административно-хозяйственные, финансовые и судебные функции. Это отразилось и на истории городов (в частности, на городском самоуправлении Екатеринбурга). В работе была проанализирована история городского самоуправления в период функционирования Городовых положений 1870 и 1892 гг. (дан сравнительный анализ этих законов, результатов их реализации в городах Среднего Урала). Автор подтвердил на уральском материале тезис об исторической обусловленности, необходимости и своевременности реформирования городского самоуправления в последней трети XIX в. В диссертации охарактеризованы организация

результаты выборов в органы городского самоуправления. Автор установил, что по закону 1870 г. в большинстве городов Среднего Урала (за исключением крупных) выборы проводились не по трем, а по двум разрядам. Выявлено, что в целом в организации и проведении выборов в органы городского самоуправления на Урале не было принципиальных отличий от городов центра страны. Статистически доказано, что явка избирателей на выборах была низкой. Однако при этом установлено, что тезис о преобладающей активности на выборах представителей торгово-промышленного класса не являлся общим для всех городов России (в Соликамске, Красноуфимске, Верхотурье, Алапаевске и Челябинске была выше степень активности избирателей по оценочному сбору недвижимости). Большое внимание в работе уделено составу городских голов, старост, городских дум и управ (численный, сословно-социальный, возрастной, образовательный, конфессиональный и т.д.); сделан вывод о достаточной стабильности состава органов городского самоуправления в последней трети XIX — начале XX в., что во многом объясняется несменяемостью городских голов, членов городских дум и управ на протяжении долгого времени (в городском самоуправлении на протяжении всего рассматриваемого периода были сильны позиции купечества, в малых городах — купечества и мещанства, только в Екатеринбурге по численности и влиянию более заметным было представительство инженерно-технической элиты; большинство городских голов, думцев и членов городских управ исповедовали православие). В диссертации реконструированы бюджеты городов Среднего Урала в последней трети XIX — начале XX в. В ней выявлены направления и практические результаты деятельности органов городского общественного управления; в частности, впервые на материалах Среднего Урала исследован вопрос о взаимоотношениях православной церкви и городского самоуправления.

Отдельно следует остановиться на оценке городской реформы 1892 г. (по терминологии диссертации). Отдельные исследователи продолжают рассматривать преобразование 1892 г. как контрреформу. Другие специалисты полагают, что необходимо отказаться от этого термина. Действительно, Городовое положение 1892 г. не предполагало замену предшествующей системы городского самоуправления принципиально новой моделью, а было направлено на корректировку этой системы. В этой связи следует отметить, что позитивное значение имело упразднение трехразрядной избирательной системы. Однако для повышения эффективности городского самоуправления были выбраны консервативные методы. Так, нельзя признать прогрессивным повышение избирательного ценза и сокращение числа избирателей — крайне недемократический избирательный закон (достаточно определенная оценка). Однако попытка изменить состав органов городского самоуправления посредством изменения избирательной системы не привела к ожидаемым результатам. Несмотря на изменение избирательной системы, в социальном составе органов городского самоуправления в большинстве городов Среднего Урала не произошло существенных перемен (за исключением Екатеринбурга). Можно утвердительно ответить на вопрос об определенной ограниченности возможностей самодержавной власти в плане пересмотра наследия Великих реформ (это, кстати, еще один аргумент

в пользу тезиса о том, что по своим реальным последствиям Городовое положение 1892 г. не стало контрреформой). При этом в усилении контроля со стороны государственной администрации над самоуправлением нельзя видеть только негативные стороны (например, подавление общественной инициативы), поскольку во многом он способствовал более плодотворной работе городских властей и был направлен на пресечение злоупотреблений.

В итоге проведенного диссертационного исследования на материалах городов Среднего Урала удалось доказать, что городское самоуправление являлось важным социальным институтом с довольно широкими и разнообразными функциями. В целом система городского самоуправления в рассматриваемый период была достаточно эффективной. Исследование различных частных аспектов данной проблемы подтверждает сделанный вывод [95].

Сравнительно недавно вышли в свет коллективные очерки по истории сельского и городского самоуправления на Урале [96]. В разделе, посвященном городскому самоуправлению на Урале после реформы 1870 г., рассматриваются последствия реализации на Урале Городовых положений 1870 и 1892 гг., в сравнительном ключе проанализированы результаты выборов в органы городского самоуправления, их состав, бюджет и основные направления деятельности. Главный вывод сформулирован следующим образом: «Есть все основания утверждать, что реформа 1870 г. (несколько скорректированная в 1892 г.) сыграла прогрессивную роль; она отвечала потребностям поступательного развития российских городов и, в частности, городов уральского региона» [97].

В кандидатской диссертации А.М. Шилкина исследовано функционирование городских дум на Южном Урале в 1917—1918 гг. Автор проанализировал эволюцию избирательной системы, состав и деятельность городских дум, взаимоотношения городских дум и управ с общественными организациями и революционными органами власти, процесс постепенного понижения роли городских дум и управ в общественно-политической жизни городов и в конечном итоге ликвидацию дум советами.

Характеризуя преобразование Александра III, А.М. Шилкин использует весьма дискуссионный сегодня термин «контрреформа». Как уже подчеркивалось, неправомерность этой оценки обусловлена тем фактом, что Городовое положение 1892 г. сохраняло основы предыдущего закона. Да и сам автор отмечает, что к 1917 году городские думы представляли собой результат двух последовательных преобразований [98]. Доказанным, устоявшимся в историографии является тезис о консервативном характере реформы 1892 г. (об этом, в частности, свидетельствует и недемократичный избирательный закон). Вместе с тем, А.М. Шилкин осторожно подходит к оценке усиления контроля над городскими думами со стороны государственной администрации, справедливо отмечая его позитивные стороны.

Диссертант подробно рассмотрел состав управленцев по партийной принадлежности. Однако назрела необходимость более скрупулезного исследования динамики состава органов городского самоуправления в 1917—1918 гг. по ряду других критериев: вероисповедание, социальная принадлежность, образование, имущественная состоятельность, возраст. Все это позволило бы увидеть долю

авленцев новой волны в составе городских дум и управ, результаты «демократизации» городских дум. Наряду с характеристикой имущественной состоятельности гласных, интересно также выяснить, воспользовались ли думы Южного Урала правом (по Постановлению 9 июня 1917 г.) выплачивать гласным из городских средств денежное вознаграждение за каждое заседание. Важно проанализировать вероисповедный состав, тем более, что автор отмечает факт движения кандидатов в гласные от мусульман во всех городах Уфимской губернии [99]. Все эти вопросы ждут своего решения.

В дальнейшем также предстоит более тщательно сопоставить на материале Южного Урала два этапа в истории городского самоуправления (дореволюционный период революционных преобразований) с точки зрения соотношений традиций и новаций. В данной связи, например, следует уточнить замечание А.М. Шилкина об абсентеизме электората. Дело в том, что в рассматриваемое время, сравнению с предыдущим периодом, все же наблюдалось существенное увеличение активности избирателей, о чем свидетельствует более высокая явка избирателей на выборы в 1917 г. [100].

Чрезвычайно интересна глава диссертации А.М. Шилкина, в которой рассматривается отношение городских дум Южного Урала к Октябрьскому перевороту (оказалось, что оно было различным), анализируются их взаимоотношения с органами Советской власти, процесс ликвидации городских дум на Южном Урале в январе-марте 1918 года.

Проведенный нами историографический обзор свидетельствует о том, что как в дореволюционной, так и послереволюционной отечественной и зарубежной историографии городскому самоуправлению уделялось определенное внимание. Таким образом специалисты рассматривали вопросы, связанные с разработкой форм, анализом самих Городовых положений 1870 и 1892 гг. Ими проводились исследования на основе общероссийских материалов, рассматривалась история самоуправления отдельных городов. До середины 80-х гг. XX в. оценки городских реформ 1870 и 1892 гг., данные исследователями, во многом шли в русле дореволюционной либеральной традиции. Вместе с тем, эти специалисты внесли значительный вклад в историографию проблемы, рассмотрев городские реформы в контексте всей внутренней политики, проанализировав реализацию этих преобразований. В последующих трудах происходила частичная переоценка характера и значений городских реформ 1870 и 1892 гг. (в частности, отмечались определенные позитивные последствия реформы 1892 г.). Более исследованным оказался период с 1905 по 1917 гг., по справедливому замечанию Л.Ф. Писарьковой, «важный не только для понимания общественного управления, но и русской истории XX в. в целом» [101]. Писарькова же отмечает, что «давно назрела необходимость и в работах общего характера, позволяющих проследить развитие городского самоуправления за весь период существования». Однако создание подобных трудов возможно лишь на базе предварительных серьезных региональных исследований. Между тем, история городского самоуправления в отдельных районах России изучена еще крайне слабо. К сожалению, недостаточно исследована проблема взаимоотношений городских и муниципальных учреждений.

История городского общественного управления на Урале в последней трети XIX — начале XX в. изучалась фрагментарно: на примере отдельных городов рассматривались последствия городских реформ (как правило городское самоуправление анализировалось за короткий промежуток времени), чаще исследователи изучали лишь отдельные аспекты проблемы или освещали более яркие страницы в судьбе городского самоуправления, обращались к отдельным историческим персонажам. Исключением являются диссертационные труды, в которых многосторонне исследована история городского самоуправления уральских губерний на разных исторических этапах. Однако и они не закрывают многочисленные лакуны. Необходимо исследовать историю городского самоуправления в Вятской губернии после реформы 1892 г., включая период с 1905 по 1918 гг. История городского самоуправления на Среднем Урале в годы революционных потрясений также может стать предметом специального исследования. Наименее исследованным является история городского самоуправления на Южном Урале в период функционирования Городовых положений 1870 и 1892 гг.

Тем не менее, следует признать, что в ураловедении заложен фундамент для последующих работ по истории городского самоуправления. Специалистами выявлены основные тенденции и закономерности в эволюции этого института. По мере обращения к истории городского самоуправления на Урале удалось установить целый ряд локальных особенностей, обусловленных не только различным административным статусом уральских городов (губернских, уездных и заштатных), но и спецификой их социально-экономического и демографического облика, что отразилось на составе органов городского самоуправления, их деятельности. Новейшие исследования по истории городского самоуправления на Урале в дореволюционный период показали, что городское самоуправление представляло собой эффективный институт; оно распоряжалось значительными финансами. В отношениях с губернской и центральной властью городские органы действовали чаще на основе консенсуса, хотя факты противостояния также имели место. Менее работоспособными оказались органы городского самоуправления в 1917—1918 гг. Историкам еще предстоит определить их реальную роль в период российской революции начала XX в. Ощущается потребность и в обобщающих исследованиях по истории городского общественного управления на Урале в последней трети XIX — начале XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 57.
2. Там же. С. 5.
3. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 74.
4. См.: Белораменский В.В. Городское самоуправление в России (конституционно-правовые вопросы). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995. С. 3.
5. Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов. М., 1967. С. 33.
6. Сайко Э.В. Город как особый организм и фактор социокультурного развития // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 9.

7. Сванидзе А.А. Город в цивилизации: к вопросу определения // Город как социокультурное явление ... С. 29.
8. Ахиезер А.С. Город — фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление ... С. 23—28.
9. Поляковская М.А. Исследовательские принципы в творчестве М.Я. Сюзюмова // Историография общественной мысли дореволюционного Урала: Сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 105.
10. Сюзюмов М.Я. Проблема возникновения средневекового города в Западной Европе // Средние века. М., 1968. Т. 31. С. 78.
11. Миронов Б.Н. Русский город в 1740—1860-е годы. Л., 1990. С. 15.
12. Нардова В.А. Правительство и проблема городского самоуправления в России середины XIX в. // Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. Ежегодник. СПб., 1996. С. 195.
13. Там же. С. 196.
14. Рейснер Л.И. Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада // Города на Востоке. Хранители традиций и катализаторы перемен. М., 1990. С. 9.
15. Там же.
16. Алферова Е.Ю. Социально-экономическое развитие городов Урала в 60—90-е годы XIX в. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992. С. 4; Миронов Б.Н. Русский город ... С. 196; Алферова Е.Ю. Социально-экономическое развитие городов Урала в 60—90-е годы XIX в. Свердловск, 1991.
17. Рындыонский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 126—127.
18. Самоуправление // Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1899. Т. 28. С. 239—240.
19. Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. С. 121.
20. Там же.
21. Горенберг М.Б. Очерки русского городского права. Птг., 1916.
22. Гронский П.П. Децентрализация и самоуправление. СПб., 1913. С. 4—5.
23. Там же. С. 8.
24. Там же. С. 20.
25. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 750.
26. Там же. С. 759—760.
27. Правилова Е.А. Местное и центральное управление в России: проблема правового регулирования отношений // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века). Сб. науч. ст. М., 1997. С. 37.
28. Там же. С. 37—38.
29. Самоуправление // Тадевосян Э.В. Словарь-справочник по социологии и политологии. М., 1996. С. 206—207.
30. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863—1917 гг. М., 1998. С. 310.
31. Алкаримова Е.Ю. Городское самоуправление на Среднем Урале в последние десятилетия XIX — начале XX в. Диссер. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999. С. 137, 138, 316.
32. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. С. 5—9; Она же. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX — начале XX века. СПб., 1994. С. 3—6; Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863—1917 гг. М., 1998. С. 306—315.
33. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума... С. 306.
34. Головачев А.А. Десять лет реформ. 1861—1871. СПб., 1872. С. 257.

35. Дитятин И.И. Городское самоуправление в России. Ярославль, 1877; Он же. Статьи по истории русского права. СПб., 1895.
36. Шрейдер Г.И. Город и Городовое положение 1870 г. // История России в XIX веке. СПб., 1908. Т. 4. С. 1—29; Он же. Городская котрреформа 11 июня 1892 г. // История Там же. 1909. Т. 5; Он же. Наше городское общественное управление. Эпюды, очерки и заметки. Т. I. СПб., 1902.
37. Шрейдер Г.И. Городская котрреформа 11 июня 1892 г. ... С. 199.
38. Там же. С. 200.
39. Джаншиев Г. Эпоха великих реформ. СПб., 1907. С. 551, 555, 567—568.
40. Семенов Д.Д. Городское самоуправление. Очерки и опыты. СПб., 1901. С. 213, 217, 219.
41. Нардова В.А. Городское самоуправление в России ... С. 8.
42. Михайловский А.Г. Реформа городского самоуправления в России. М., 1908. С. 9—10, 15.
43. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. IX—XIX ст. Исторический очерк. М., 1910. С. 152—153.
44. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому Высочеству Великому князю Михаилу Александровичу в 1900—1902 гг. СПб., 1912. С. 24—26, 561—566.
45. Пичета В.И. Городская реформа 1870 г. // Три века. М., 1913. Т. 6. С. 173; Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. СПб., 1913; Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 294.
46. Пичета В.И. Указ. соч. С. 179.
47. Пажитнов К.А. Указ. соч. С. 33, 40, 42.
48. Фесенко И.О. Важный вопрос городского хозяйства. Участие квартирохозяев в городском управлении. СПб., 1900. С. 3—4.
49. Кемеровский А.Ф. Реформа городского самоуправления. СПб., 1911. С. 137—138.
50. Тотомиянц В.Ф. Самоуправление городов. М., 1917.
51. Платонов С.Ф. Учебник русской истории. СПб., 1993. С. 370—371.
52. Столетие Вятской губернии. 1780—1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1881.
53. Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми. Пермь, 1889. С. 196—311; Смышляев Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 31—32; Мамин-Сибиряк Д.Н. Автобиографические произведения. Публицистика // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений. В 12 тт. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 281; Город Пермь. Сборник очерков по истории, культуре и экономике города. Пермь, Бг.; Верхоланцев В. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1913; Он же. Летопись г. Перми с 1890 по 1912 гг. Пермь, 1913; Столянский П.Н. Город Оренбург. Оренбург, 1908.
54. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. Автореф. ... докт. ист. наук. Л., 1985. С. 3—4.
55. Она же. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. С. 8; Писарькова Л.Ф. Московское городское общественное управление с середины 1880-х годов до первой русской революции. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980; Озолинь Д.К. Рижское городское самоуправление и его коммунальная политика в конце XIX — начале XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рига, 1969.
56. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. В 2 чч. М., 1928.
57. Зайончковский П.А. Городовое положение 11 июня 1892 г. // Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 428.

58. Захарова Л.Г. Самодержавие и реформы в России. 1861—1874 (к вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России. 1856—1874: Сборник / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 24—38; Она же. О личном факторе в истории: роль императора Александра II в проведении Великих реформ 60—70-х годов XIX века в России // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. № 1. С. 53—63; Писарькова Л.Ф. Городские головы Москвы (1863—1917) // Отечественная история. 1997. № 2. С. 3.
59. Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. С. 589; Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. С. 58; Писарькова Л.Ф. Городовое положение 1870 года и социальный состав городского общественного управления в губерниях центрально-черноземного района // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. Межвузовский сборник трудов. Воронеж, 1988.
60. Правила — как завещал отец? («Круглый стол» об эпохе Александра III) // Родина. 1994. № 11. С. 40—46.
61. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 393.
62. Нардова В.А. Городское самоуправление в журналистике 70—80-х гг. XIX в. // Общественная мысль в России XIX в. Л., 1986; Она же. Городское самоуправление в России после реформы 1870 г. // Великие реформы в России. 1856—1874 гг. М., 1992; Она же. Органы городского самоуправления в системе самодержавного аппарата власти в конце XIX — начале XX вв. // Реформы или революция? Россия 1861—1917. Материалы международного colloquium историков. СПб., 1992; Она же. Правительство и проблема городского самоуправления в России ...; Она же. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Л., 1984; Она же. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX — начале XX века. СПб., 1994; Она же. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1985.
63. Чичерова И.А. Земское и городское самоуправление в России второй половины XIX в. (историко-правовой анализ). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
64. Бурдина Г.Ю. Городские органы самоуправления в Среднем Поволжье в пре-реформенный период. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1993.
65. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863—1917 гг. М., 1998.
66. См., например: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2. С. 487—502.
67. Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 263.
68. Там же. С. 264—266.
69. Велихов Л.А. Указ. соч. С. 250.
70. Миронов Б.Н. Социальная история России ... Т. 1. С. 113.
71. Там же. С. 325.
72. Там же. С. 500, 502.
73. Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 151.
74. Там же. С. 179.
75. Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж, 1980; Seton-Watson H. The Russian empire: 1801—1917. Oxford, 1967. P. 385, 469—471.
76. Sumner B.H. Survey of Russian History. London, 1966. P. 64—69.
77. Weissman N.B. Reform in tsarist Russia / The state bureaucracy and local government, 1900—1914. New Brunswick, New Jersey, 1981. P. 15—16.
78. Robbins R.G. The Tsar's Viceroys. Russian Provincial Governors in the last years of the Empire. Ithaca and London, 1987. P. 16—17.

79. Pearson T.S. Russian Officialdom in Crisis Autocracy and Local Self-Government 1861—1900. Cambridge, 1989. P. 17.

80. Сутырин Б.А. История городов Урала периода XVIII—XIX вв. в советской исторической литературе // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967. Материалы 3-й научной сессии вузов Уральского экономического района (историческая наука). Вып. 1. История СССР. Свердловск, 1967. С. 55—58.

81. Пешков В.Н. Население городов дореформенной Пермской губернии // На край. Материалы V Свердловск. обл. краевед. конфер. Свердловск, 1971. С. 35—40.

82. Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1958; Очерки истории Свердловска, 1723—1973. Свердловск, 1973; Степанов М.Н., Рябухин В.И. Город Молотов. Краеведческий очерк. Молотов, 1955; Пермь. Пермь, 1957; Мокеев В.М. Шадринск. Челябинск, 1975; Николаев С.Ф. Кунгур. Пермь, 1958; История Урала в период капитализма. М., 1990. Белавин А.М., Нечаев М.Г. Губернская Пермь. Пермь, 1999.

83. Екатеринбург. Исторические очерки (1723—1998). Екатеринбург, 1998. С. 81, 102, 103.

84. Горловский М.А. Из истории городского управления Екатеринбурга начала XIX в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1958. С. 75—80.

85. Черныш М.И. Проведение городской реформы 1870 г. в Перми. Классовая сущность новых органов городского управления (К истории г. Перми 1870—1881 гг.) // Ученые записки. Пермь, 1961. Т. 17, Вып. 4. С. 172, 174, 188.

86. Мясников С.В. Самоуправление уездных городов Вятской губернии в 70-х начале 90-х годов XIX в. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Казань, 1997.

87. Эмалетдинова Г.Э. Городское общественное управление Южного Урала в 60-е XIX в. // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 372—374.

88. Корепанова С.А. Подарки екатеринбуржцев к коронационным торжествам 1883 // Россия в царствование императора Александра III. Екатеринбург, 1995; Она же. Органы городского и земского самоуправления в подготовке и проведении Сибирской Уральской выставки 1887 года // Екатеринбург — вчера, сегодня, завтра. Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конферен. Екатеринбург, 1998. С. 75—77.

89. Микитюк В.П. Давнишний общественный работник // Город Екатеринбург. Очерки истории Урала. Екатеринбург, 1997. Вып. 4. С. 76—98; Он же. Деятельность местного самоуправления на Урале начала XX в. П.В. Иванов // Уральский исторический вестник. (Региональное развитие России). Екатеринбург, 1996. № 3. С. 134—144; Шилов А.В. Из истории предпринимательства на Урале в XIX веке: деятельность купцов и промышленников Ушковых // Исследования по археологии и истории Урала. Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1998. С. 273—290; Парфенова С.А. Шадринские городские головы // Шадринская старина. 1998. Краеведческий альманах / Составл. отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск, 1998. С. 33—41.

90. Анимидза Е.Г., Тертышный А.Т. Местное самоуправление: история и современность. Екатеринбург, 1998. С. 4, 95.

91. Там же. С. 110.

92. Миненко Н.А., Федоров С.В. Город на Исети: страницы шадринской летописи. Шадринск, 1997. С. 86—138.

93. Пермские губернаторы: традиции и современность / Под ред. И.К. Кирьянова, В.В. Мухина. Пермь, 1997. С. 116, 150; Попов Н.Н. Из истории социально-экономического развития г. Екатеринбурга в конце XIX — начале XX вв. // Вторые Татищевские чтения. Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 1999. С. 130—132; Шилов А.В. Чердынь в конце XVIII — начале XIX в. // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России / Чердынский музей. Пермь, 1999. С. 111—118; Б

вич А.В. Из истории городского самоуправления на Урале (на примере борьбы вокруг бюджета Екатеринбурга в первой половине XIX в.) // Чердынь и Урал в историческом культурном наследии России. С. 123—129.

94. Апкаримова Е.Ю. Городское самоуправление на Среднем Урале в последней трети XIX — начале XX в. Дис. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999; Она же. Городское самоуправление на Среднем Урале в последней трети XIX — начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999; Шилкин А.М. Городские думы на Южном Урале в 1917—1918 годах. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2000.

95. Апкаримова Е.Ю. Православная церковь и городское самоуправление: к вопросу о взаимодействии (по материалам Урала второй половины XIX — начала XX в.) // История церкви: изучение и преподавание. Материалы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства. 22—25 ноября 1999. Екатеринбург, 1999. С. 236—240; Она же. Об изменениях городского быта на Урале в последней трети XIX — начале XX в. // Многокультурная история Урала, XVI—XX вв.: Материалы междунар. науч. конф., г. Екатеринбург, 29 нояб. — 2 дек. 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 176—180; Она же. Городское общественное управление в годы Первой мировой войны // Вторые уральские научно-исторические чтения: материалы регион. науч. Екатеринбург, 2000. С. 7—9.

96. История местного самоуправления на Урале в XVIII — начале XX в.: город, село, деревня. Екатеринбург, 1999.

97. Там же. С. 51—69.

98. Шилкин А.М. Городские думы на Южном Урале ... С. 12.

99. Там же. С. 16.

100. См. подробнее: Апкаримова Е.Ю. Городское самоуправление на Южном Урале в последней трети XIX — начале XX в. // Третьи Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 19—20 апреля 2000 г. Екатеринбург, 2000. С. 3—97; История местного самоуправления на Урале в XVIII — начале XX в.: город, село, деревня. Екатеринбург, 1999. С. 56—57.

101. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863—1917 гг. М., 1998. С. 310.

MUNICIPAL SELF-GOVERNMENT IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURY'S URALS IN HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to historiography of municipal self-government in the last third of the XIX — beginning of the XX c. The author investigates pre-revolutionary, Soviet and modern historiography (theoretical works, monographs and articles of historical-judicial character about municipal reforms of 1870 and 1892 and historical works about municipal self-government in Russia as a whole and self-government of some urban settlements). The evolution of views, approaches and estimates, main tendencies and discussions in Russian and foreign historiography is traced. As a result of research the contribution of the Ural historiography is evaluated.

Е. Yu. Apkarimova